

Даниэль Клугер

עברים את הנהר
ПЕРЕШЕДШИЕ РЕКУ

5

ПЯТЫЙ РИМ

Даниэль Клугер

עבריים את הנהר

ПЕРЕШЕДШИЕ РЕКУ

ОЧЕРКИ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

ПЯТЫЙ РИМ

МОСКВА

2017

УДК 39
ББК 63.3(0=...)
К 51

Оформление переплета М. Левыкина

Клугер Д.

К 51 Перешедшие реку. Очерки еврейской истории. – М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2017. – С. 320, илл.

ISBN 978-5-9908266-2-5

В этой книге идет речь о народе, чье самоназвание можно перевести именно так – «Перешедшие реку». Так называли их предка: Авраам Иври – Авраам Еврей (Перешедший).

Очерки, составившие книгу Даниэля Клугера, рассказывают именно о тех, кто так или иначе *переходил* – переходил реку, пересекал границу, преображал традицию...

Три раздела – три путешествия на машине времени. «Иудейские войны» – по страницам военной истории евреев, «Рассейание» – вослед евреям, осевшим в других странах после разрушения Иерусалимского Храма, «Авантюристы, безумцы, мессии» – именно за ними, за этими странными, далеко не всегда привлекательными, но всегда яркими пассажирами этой машины времени, которая называется историей еврейского народа.

УДК 39
ББК 63.3(0=...)

ISBN 978-5-9908266-2-5

© Клугер Д., 2017
© Издательство «Пятый Рим»™, 2017
© ООО «Бестселлер», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Почему «Перешедшие реку»? Кто они такие и о какой реке идет речь?

Ответ на эти вопросы не так прост, как может показаться. Да, конечно, «Перешедшие» — это смысл самоназвания еврейского народа — «иврим». Именно так оно переводится буквально — «перешедшие».

И тут возникает второй вопрос: что они перешли, почему автор говорит о реке и о какой именно реке?

Первым человеком, получившим прозвище Иври — Еврей, Перешедший, согласно библейской традиции, стал патриарх Авраам. И получил он это прозвище после того, как, оставив родной город Ур (или Ур Халдейский), а затем город Харран, вместе со своими близкими и слугами пришел в Ханаан, «с той стороны», из-за реки Евфрат.

Современная наука, впрочем, дает и другие объяснения. Например, многие историки считают, что слово «иври» происходит от слова «хапиру», которым называли чужаков-пришельцев ханаанские царьки в переписке с египетским фараоном. Есть и такая точка зрения, что прозвище Авраама Иври восходит к имени его предка Эвера.

Я не собираюсь оспаривать мнения ученых. Я просто воспользуюсь авторским правом выбрать одно из объяснений. И потому выбираю первое — «Перешедший», «Перешедшие». Потому что в этой книге говорится именно о «перешедших» — тех самых перешедших реку, границу, предел, которые делают историю. И неважно, что именно символизирует слово «река» — действительно водную преграду, географический предел, или предел знаний, или предел общепринятого.

Еще одно уточнение. Очерки, собранные под этой обложкой, следовало бы, возможно, назвать очерками не еврейской истории, а еврейских судеб, для которых история создала колоритный и многоцветный фон. Но, в конце концов, и судьбы эти тоже были порождены историей. Да и первое издание «Перешедших реку» имело подзаголовок «Очерки еврейской истории».

Вот, кстати, об отличиях нового издания. Некоторые очерки, помещенные в первом издании, я опустил – поскольку за прошедшие с тех пор семнадцать лет появилось несколько фундаментальных исследований тех сторон еврейской истории, которых я коснулся лишь отчасти. А компенсирует их отсутствие появление в данном издании дополнительного, третьего раздела «Авантюристы, безумцы, мессии». Содержание его вполне соответствует названию.

Имеются некоторые дополнения и в разделах «Иудейские войны» и «Изгнание».

И еще одно. Я очень люблю историю, особенно еврейскую историю. Но, будучи не ученым-историком, а литератором-популяризатором, я никогда не стремился и не стремлюсь к академическому повествованию, основанному только и исключительно на общепринятых научным сообществом фактах. Меня гораздо чаще интересовали и занимали сведения, с научной точки зрения сомнительные или, скажем, легендарные. Например, о связи с еврейским народом императора Нерона или о еврейском происхождении родоначальника боярского рода Нарышкиных – Мордки (Мордехая) Нарышки. Потому в этой книге читатель найдет среди прочего истории, в основе которых лежат не факты, а легенды. Кроме того (это уже сказывалась любовь к научной фантастике), меня все время занимал и занимает вопрос: что было бы, если бы исторические события пошли не так, а этак? Ну вот, скажем, мог бы сын Веспасиана Тит случайно погибнуть при осаде Иерусалима? Изменило бы это дальнейшую историю или нет? В некоторых случаях я не мог удержаться от соблазна порассуждать в сослагательном наклонении.

Вот, пожалуй, и все.

Таким небольшим предисловием я считаю необходимым предварить второе издание книги «Перешедшие реку. Очерки еврейской истории».

Автор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

מלחמות
יהודיות

ИУДЕЙСКИЕ ВОЙНЫ

ВОЙНЫ ИОШУА БИН-НУНА

Точкой отсчета в одном из важнейших этапов еврейской истории – становлении государства – является завоевание Ханаана. Это событие произошло в XIII веке до н. э. Дата соответствует археологическим сведениям о том, что именно в это время многие древнеханаанские города были разрушены.

Покорение Ханаана и последующий раздел его между коленами израильтян оценивается с различных точек зрения. Соответственно, различна и трактовка этого масштабного события. Религиозное объяснение говорит о выполнении Завета, заключенного Творцом с патриархами, социально-историческое – об одном из этапов так называемого Великого переселения народов и о переходе евреев от кочевой жизни к оседлой. Соответственно, и роль предводителя израильтян Иошуа Бин-Нуна (Иисуса Навина) оценивается главным образом в качестве верного наследника и последователя Моше-рабейну (Моисея). Сторонники второго объяснения вообще почему-то избегают говорить о личности Иошуа – поскольку переселение народов, ломка патриархальных отношений, переход к оседлой городской жизни есть объективный процесс, следовательно, неважно, кто конкретно возглавлял тот или иной племенной союз. Мало того – долгое время в исторической науке господствовало мнение, что такого человека не было вообще, а предания о нем – всего лишь «демифологизация» эпоса о некоем племенном божестве, которое почиталось северно-израильскими коленами.

Между тем историчность фигуры Иошуа Бин-Нуна вполне подтверждается при рассмотрении той характери-

стики событий, которая предлагается широкой читательской аудитории гораздо реже. Речь идет о военной стороне вопроса.

Уже сам факт того, что в исторических исследованиях (а особенно в популярной литературе) нечасто рассказываются подробности похода израильских племен в Ханаан, не может не вызывать удивления. Казалось бы, именно о тактике боевых действий, о численности армий, принимавших участие в битвах с той или иной стороны, об особенностях осадных приемов и осуществлении разведывательных операций следует говорить, рассматривая историю войны – тем более войны, имеющей следствием полное изменение государственно-политической структуры региона!

Но нет, поскольку позиция сугубо религиозная не требует доказательств и пояснений; что же до «социальной» школы, то и для нее все это второстепенно, ибо главное – движение масс и смена способа производства.

Я же в нашем очерке хочу рассмотреть именно военно-исторический аспект происходящего в Ханаане в XIII веке до н. э.

К моменту вторжения в Ханаан и у Иошуа Бин-Нуна, и у израильтян в целом имелся немалый военный опыт: в Заиорданье им пришлось столкнуться с царствами царей Ога и Сихона, населенными главным образом аморейскими племенами (эмору). Эмору, в свою очередь, также были пришельцами в этих краях, незадолго до израильтян захватившими часть территорий, прилегавших с востока к району Мертвого моря, и создавшими здесь довольно крупные государства. Правда, они не сумели противостоять новым завоевателям. Евреи покорили их достаточно легко: в каждом случае решающим оказалось одно-единственное сражение. Численно превосходившие противников израильтяне провели эти скоротечные битвы без особых потерь.

Но в Ханаане Иошуа Бин-Нуна ждала совсем другая ситуация и другой противник. Мы несколько подробнее расскажем о том, что собой представляли эти земли и каков был военный уровень местных государств.

Сражение при Айе

(с гравюры Ю. Шнорр фон Карольсфельда)

Именно государств. Ханаан был раздроблен на десятки небольших царств – или, скорее, княжеств. Конечно, независимыми ханаанские властители были номинально. В действительности их связывали вассальные отношения с одной из супердержав того времени – Египтом.

Первым ханаанейским государством, с которым столкнулись израильтяне, стал город Иерихо (Иерихон). По единодушному мнению историков, Иерихо – старейший город на земле. Он располагался в 10 километрах от Мертвого моря, в оазисе Ма'ян Элиша, на высоте 200 метров ниже уровня моря, являясь, таким образом, не только самым древним на земле городом, но и самым низкорасположенным. Этот город во времена Иошуа Бин-Нуна был одним из наиболее населенных, богатых и процветающих поселений Ханаана –

поскольку через него проходили многие важные караванные пути, а следовательно, правители города получали обильную дань от торговцев. Что касается культурного уровня, Иерихо представлял собой типичный ханаанейский город-государство. Его мощные стены были сложены из необожженного кирпича, между двумя рядами которых насыпался земляной вал. Стены соединялись между собой оборонительными башнями. Город производил впечатление неприступного.

Перед началом кампании Иошуа Бин-Нун направил в окрестности Иерихо разведчиков. Относительно этого эпизода, описанного в Танахе, создатель ЦРУ Аллен Даллес писал, что именно разведоперацию перед взятием Иерихо считает эталоном работы разведки. Он отмечал: четкость задания – выяснить людские ресурсы противника (численность, тип вооружения, политическая обстановка, настроение), «схемы» укреплений; вербовка сочувствующих из числа местного населения и использование их для укрытия разведчиков; наконец, принцип вознаграждения местных жителей, сотрудничавших с разведкой. Таким образом, мы имеем дело с первой профессионально проведенной и документально подтвержденной разведывательной акцией в истории.

Разведчики, посланные Иошуа, доставили исчерпывающие сведения, использованные полководцем для корректировки плана кампании. Сообщили они и о жительнице Иерихо по имени Раав, укrywшей их в своем доме, за что они – разведчики – от имени вождя евреев пообещали, что ни она, ни ее семья, ни ее имущество не пострадают в ходе боевых действий.

Наконец, очень важными оказались еще и сведения о политической обстановке в регионе. Иошуа понял, что никаких оборонительных союзов против завоевателей ханаanei не заключали и ему предстоит иметь дело с разрозненными, а потому заведомо слабыми противниками. Но и слабых противников тоже не следовало недооценивать.

Получив от своих разведчиков исчерпывающие сведения о стране, ее населении, возможном сопротивлении и политической обстановке в Ханаане, Иошуа Бин-Нун отдал приказ о переходе через Иордан. Начиналась новая историческая эпоха.

Переход через Иордан

(с гравюры Ю. Шнорр фон Карольсфельда)

Сама картина перехода через Иордан выглядела весьма впечатляюще. Первыми в воду вошли священники с Ковчегом Завета, а уже за ними – остальные израильтяне. Со стен Иерихо за переправой, словно зачарованные, следили жители первого ханаанского города, которому предстояло пасть в грядущем завоевании. Остается только гадать о причинах, которые вызвали полное отсутствие попыток захватить израильтян врасплох, на марше. Нельзя сказать, что жители Иерихо или его правители не знали о планах пришельцев. Нельзя сказать, что они не имели достаточного количества воинов, чтобы нанести серьезный упреждающий удар. И о настроении израильтян они знали (можно вспомнить: именно потому Раав укрыла израильских разведчиков, что прекрасно представляла себе, что ждет Иерихо в ближайшем будущем).

И армия у правителей этого города-государства была не слабой — конечно, численно евреи превосходили ее в несколько раз, но у иерихонцев на вооружении состояли отряды колесниц — этих древних танков, чрезвычайно эффективных в сражениях на открытой местности. Прочее вооружение тоже превосходило еврейское — не следует забывать, что вооружение евреев соответствовало вооружению кочевых племен, в распоряжении Иошуа Бин-Нуна не было подразделений тяжеловооруженной пехоты, которыми отличались наемные армии ханаанских властителей. Кто знает, как могли бы повернуться события, если бы царь Иерихо не стал ожидать появления евреев у стен города, а сам напал бы на них во время переправы, застав врасплох.

Но он не сделал этого. Что же касается прочих царей, то каждый из них, похоже, не без злорадства наблюдал за бедой, постигшей одного из соперников: Ханаан был раздроблен на множество враждовавших между собой городов-государств. Если уместно будет сравнивать с событиями более поздними, то напоминало все это ситуацию времен нашествия Батыя на Русь. Та же раздробленность и нежелание помогать соседу, с одной стороны, и единство, сплоченность, талант вождя и организатора — с другой. Конечно, аналогии всегда хромают, исторические — в особенности.

Был и еще один момент, которым могли бы воспользоваться ханаанеи (хотя это граничило бы с вероломством, но вполне адекватно тогдашним законам войны). Прежде чем начать войну, Иошуа приказал совершить обряд обрезания над всеми мужчинами. За сорок лет блужданий по пустыне выросло целое поколение не исполнявших этот завет. На несколько дней стан израильский превратился, по сути, в одну огромную больничную палату.

Так или иначе, ни царь Иерихо, ни его воины не сделали ни малейшей попытки упредить нашествие израильтян. Впрочем, у еврейского полководца не было ни малейшего сомнения на этот счет, он знал: именно так и будет. Со слов Раав разведчики сообщили о царе Иерихо и соседних землях: «Их сердца обробели после того, как услышали они о победах над

Сихоном и Огом...» (имеются в виду аморейские правители, побежденные Иошуа Бин-Нуном в Заиорданье).

Израильтяне осадили город. Наверное, их самих поразил вид укреплений Иерихо – город казался неприступным. Мощные стены, башни. Многочисленный гарнизон – вполне способный выдержать длительную осаду.

Но осада продолжалась всего лишь шесть дней. И все шесть дней израильтяне торжественным маршем обходили стены Иерихо, следуя за Ковчегом Завета. На седьмой день священники разом затрубили в трубы – и часть крепостных стен обвалилась...

По данным археологов, проводивших раскопки в районе этого древнего ханаанского города на протяжении десятилетий, стены Иерихо действительно внезапно обрушились, упали. Причем внешняя крепостная стена упала наружу, а внутренняя – внутрь города. «Такое впечатление, что это произошло вдруг и мгновенно. Словно при мощном взрыве – или серии одновременных взрывов» – таково мнение одного из ученых. А вскоре после этого, как полагают современные исследователи, город был разрушен и сожжен... Видимо, что-то происходило в течение шести дней осады – что-то, скрытое от глаз осажденных. Специалисты по военной истории в один голос утверждают: в то время как чуть ли не все жители Иерихо, включая военных, глазели на эффектное зрелище хождения евреев вокруг стен с Ковчегом Завета, специально отряженные воины занимались... минированием стен. Каким минированием, спросите вы? Самым настоящим, уже, кстати говоря, известным в те времена некоторым народам. В нескольких местах под стенами осажденного города делались тайные подкопы. В них закладывались бревна (чтобы стены не дали осадку раньше времени), поджигались. После того как они сгорали, стены обрушивались. Практически одновременно с разных сторон.

Военный историк д-р Мордехай Кишон, один из авторов книги «Библейские сражения», изучив данные археологических исследований, высказал предположение, что за несколько десятков лет до появления израильтян стены Иерихо

были разрушены то ли в результате какого-то сражения, то ли (что вероятнее) из-за землетрясения. Не будем забывать о том, что район Мертвого моря и сейчас, и в древности был достаточно сейсмоопасным. После разрушений и вплоть до прихода еврейских племен мощные стены Иерихо так и не были полностью восстановлены. Брешы в них жители наспех заложили камнями, песком и мусором. Так что, вполне возможно, примитивное «минирование» происходило в слабых местах и оказалось в силу этого вполне успешным.

Правда, тот же М. Кишон высказал предположение, что обрушения стен не было, а была военная хитрость: хождение евреев вокруг стен в течение нескольких дней наскучило иерихонцам и убедило их, что пришельцы нападать не собираются. В результате, когда после шестидневного парада евреи вдруг пошли на штурм, на стенах почти никого из защитников не было, так что нападавшие ворвались в город так стремительно, словно стены в одночасье рухнули перед ними.

Словом, то ли в результате применения евреями передовых осадных технологий того времени, то ли благодаря военной хитрости первый ханаанейский город был взят.

Остается добавить, что в сумятице и кровавой сутолоке боев Иошуа Бин-Нун и его воины не забыли о клятве, которую дали женщине по имени Раав и ее семейству: едва евреи ворвались в город, как полководец послал к дому Раав вооруженных юношей, которые вывели всех бывших в доме в безопасное место. Потомки семейства Раав жили в Израиле много веков.

Следом за Иерихо евреи вышли к городу-государству Гай. Армия здешнего царя была сильнее, нежели у царя Иерихо. Кроме того, и решимости у него, судя по последующим событиям, было больше. Но когда мы рассказывали о полководческом гении еврейского вождя, это отнюдь не было преувеличением. Как не является домyslom и то, что военная кампания была не импровизацией, но разработана тщательно и в деталях. Армия гайского царя насчитывала 12 тысяч солдат — тяжеловооруженной пехоты, колесниц, лучников и пращников. У Иошуа отнюдь не было уверенности в том, что штурм

городских укреплений будет легким и успешным. Что же до открытого сражения в виду стен, то и оно могло оказаться малоэффективным: в случае неблагоприятного для них хода боевых действий защитники Гая легко могли укрыться за стенами, предоставив противникам оправляться от потерь в открытом поле.

План боевых действий был таков. Иошуа отправил мощный и многочисленный отряд в обход основных путей — так, чтобы тот скрытно миновал основное расстояние, после чего укрылся бы в засаде позади города — на востоке. Другой отряд той же ночью укрылся между городами Гай и Бейт-Эль, к западу. Сам же Иошуа с немногочисленным отрядом легковооруженных воинов вышел в поле перед городскими стенами. У царя Гая сложилось впечатление, что это и есть основная армия пришельцев. Она была явно слабее его армии и, судя по маневрам, которые совершал Иошуа, не готова к сражению.

Спустя короткое время после появления отряда Иошуа ворота города отворились, и армия царя Гая в полном составе устремилась на легкую, как им казалось, добычу. Впереди мчались колесницы — платформы с лучниками, запряженные двумя-тремя лошадьми, следом бежали пешие воины, свежие и уверенные в себе — ведь им не пришлось, подобно евреям, вступать в сражение прямо с ночного марша.

Поначалу сражение шло с явным преимуществом хананеев. Воины Иошуа дрогнули. Полководец отдал приказ отступить. Евреи, казалось, обратились в бегство и устремились от города в северном направлении — к своему стану. Ликующие солдаты Гая уже предвкушали легкую победу и обильную добычу. Собственно, они очень быстро превратились из дисциплинированных воинов в мародеров, учувших возможности грабежа. Видимо, это чувство передалось и тем немногим войскам, которые следили за ходом битвы с крепостных стен Гая. Никакая сила не могла более удержать их в городе. Впрочем, никто и не пытался удерживать — враг бежит в панике, бояться нечего.

Едва город опустел, как евреи вдруг (а точнее, по приказу своего вождя) остановились. Поначалу гайские солдаты ни-

чего не могли понять: отступавший в беспорядке враг вдруг начинает оказывать упорное сопротивление. Мало того: никакого беспорядка нет, а вот наступавшие действительно оказались в полном беспорядке — они ведь уже не столько воевали, сколько преследовали. Столкнувшись с неожиданным сопротивлением, гайцы вынуждены были отступить. Но тут оказалось, что отступать некуда. Город Гай, оставленный защитниками, окутался клубами дыма, подоженный с нескольких сторон, — это действовали оставленные в засаде воины Иошуа Бин-Нуна. Именно по этому знаку — появлению дымового столба — вождь евреев понял, что его план удался, и приказал прекратить притворное отступление.

Наконец, на последнем этапе в бой вступили свежие силы — отряд, занимавший позиции к западу от Гая, по направлению к Бейт-Элю. Через короткое время от двенадцатитысячной армии города-государства Гай не осталось ничего. Она была уничтожена полностью.

Вот так закончилось это сражение, которое последующие военные историки считали образцовым примером тактики того времени.

После Иерихо и Гая пришел черед их соседа — города-государства Гивеон. Однако тут произошла следующая история. Жители Гивеона не испытывали никакого желания повторить судьбу своих соседей. В то же время они, судя по всему, были никудышными воинами и воевать тоже не хотели. Поэтому пустились на хитрость. Их посланники явились в израильский лагерь и предстали перед вождем евреев в ветхих одеждах, изможденными, с закончившимися припасами. Старший из посланников сказал: «Мы пришли из далекой страны и, услышав о победах ваших, решили заключить с вами союз». Разумеется, если бы Иошуа знал, что перед ним стоят представители государства, намеченного им как цель буквально завтрашнего похода, он и не подумал бы принимать всерьез их слова: не было никакого резона вступать в союз со слабыми. Но, поглядев на внешний вид послов, явно свидетельствовавший о долгой дороге, Иошуа решил: почему бы не заключить союз с государством, чьи интересы на данном этапе не

входят в конфликт с интересами евреев. Союз был заключен. Но буквально на следующий день выяснилось, что Иошуа заключил союз с теми самыми ханаанейцами, против которых собрался выступить. Верный договору, Иошуа не стал разорять их земли и разрушать города, но в наказание за ложь обратил жителей Гивеона и окрестностей в рабов. Тут следует уточнить и то, что именно подразумевают древние источники, называя гивеонитов рабами. Танах разъясняет: «И стали они дровосеками и водочерпальщиками для общины и для жертвенника». Никто из гивеонитов не стал личным рабом и не был продан в рабство. Никто из них не был изгнан из родного города — и других городов, бывших собственностью царя Гивеона (Кефир, Беэрот, Кирьят-Яарим). Они выполняли определенный объем трудовой повинности — после чего могли возвратиться к своим традиционным занятиям.

Казалось бы, на том история и закончена. Но — не так все просто. Следующие сражения, которые вел Израиль, были напрямую связаны именно с судьбой Гивеона. И вот почему.

Цари пяти южноханаанских городов — Хеврона, Ярмута, Лахиша, Эглона и Иерусалима (тогда он назывался Иевус) — наконец-то решили объединиться перед лицом серьезной угрозы, которую представляли израильтяне. По сообщению Танаха, эти царства населяли амореи, с которыми евреям уже приходилось иметь дело, когда они воевали в Трансиордании (царства Сихона и Ога). Инициатором создания коалиции был Адони-Цедек, царь Иевуса.

Совместная армия представляла собой достаточно внушительную силу — хотя источники не сообщают цифры, мы можем предположить, что она как минимум была не меньше еврейской. Спустя несколько веков филистимское Пятиградье выставляло против еврейского царя только колесниц 30 тысяч да 6 тысяч конницы. Резонно будет предположить, что пять ханаанейских царей располагали объединенной армией, в четыре-пять раз большей. Учитывая профессионализм ханаанеев (преимущественно наемников, то есть опытных воинов), учитывая то, что основной ударной силой были все те же колесницы с лучниками, которых у евреев все еще не было,

а также тот факт, что еврейскую армию составляли легковооруженные пехотинцы (ядро же ханаанской — тяжеловооруженная пехота, защищенная бронзовыми панцирями и шлемами и действовавшая мечами и копьями), можно сказать, что с военно-тактической точки зрения исход войны (или кампании) отнюдь не был заранее предрешен в пользу Иошуа Бин-Нуна. Помимо всего прочего, евреи только что провели две короткие кампании — против Гая и Иерихо, а «южане» имели возможность относительно спокойно подготовиться к битвам.

Мало того: военачальники ханаанцев избрали весьма выигранный ход. Они решили не рисковать поначалу столкновением с основными силами евреев и внезапно ударили по слабому звену — по все тем же несчастным гивеонитам, менее всего желавшим воевать с кем бы то ни было. Они и евреи решили перехитрить, потому что не имели никакого желания воевать, — их сферой деятельности были торговля и ремесло. Они не были воинами.

Думается, война против Гивеона имела для всего Ханаана еще и пропагандистский смысл: мол, смотрите, что произойдет с теми, кто рискнет заключить мир с пришельцами.

Ошибкам коалиции было то, что ее участники предположили, будто Иошуа Бин-Нун не вмешается в эту скоротечную войну. В конце концов, идеология ханаанцев, как уже говорилось ранее, формулировалась так: «Каждый сам за себя». Не исключено, впрочем, что нападение на Гивеон имело целью навязать евреям войну в тот момент, когда они еще не были готовы. Так или иначе, вождь евреев воспринимал гивеонитов уже как часть подданных, и агрессия против них рассматривалась как вызов евреям. Собственно, и гивеонитам более не к кому было обращаться за помощью. Из города, оказавшегося под угрозой осады, были отправлены посланники к вождю евреев. Ставкой Иошуа Бин-Нуна с момента перехода Иордана был лагерь в Гильгале. Туда и прибыли гивеониты с известием о нападении коалиции пяти царей и с просьбой о помощи. Еврейский полководец немедленно поднял наиболее боеспособную часть войска и быстрым маршем устремился к союзному городу. В Танахе

по этому поводу говорится: «И поднялся Иошуа и с ним народ военный и мужи храбрые». Иными словами, в этом походе участвовало не все ополчение, а именно «мужи храбрые» — обычно таким словосочетанием обозначаются воины «гвардии», наиболее боеспособной части войска.

Из этого можно сделать и еще один вывод. Не исключено, что Иошуа намеревался дать народу небольшой отдых: не следует забывать, что только что в двух скоротечных войнах были одержаны победы над двумя царями. Как бы легко эти победы ни дались, любая армия нуждается в перерывах, в любой армии, при любом сражении есть раненые и убитые. Так что, возможно, не будь такой причины, как нападение на союз-

Статуэтка ханаанейского бога (Баал?)

ников, евреи не сразу приступили бы к дальнейшему походу. И, весьма возможно, еще одна причина, побудившая еврейского военачальника к ускоренным действиям, крылась в самом факте возникновения военного союза нескольких ханаанских царьков. Из предыдущих событий можно сделать вывод, что Иошуа Бин-Нун намеревался разгромить ханаанейских царей поодиночке, не допуская их объединения. Кстати сказать, в Танахе не говорится ничего о подробностях деятельности разведчиков в Ханаане; но, по сведениям, известным нам из истории других войн того времени, смело можно предположить, что и в разобщенности ханаанцев имеется доля работы еврейских «спецслужб». Ничего удивительного в этом нет: из-

вестно, что римляне частенько засылали своих агентов к предполагаемому противнику с тем, чтобы те не допустили объединения противостоящих Риму сил, а по возможности еще больше раздробили их. Вот пример – правда, из значительно более поздних времен: война против армии Спартака, бывшего гладиатора. Римляне потерпели несколько поражений, но разгромили в конце концов мятежников, искусно используя раздоры среди военачальников Спартака и доводя дело до раскола в армии противников. Принцип «Divide et impera» («Разделяй и властвуй») – это ведь принцип не только дипломатический, но и военный.

Вернемся к истории завоевания Ханаана. Трудно сказать, почему ханаанейские военачальники вообще не задумались о возможности прихода еврейского войска на помощь осажденному Гивеону. Во всяком случае, удивляет тот эффект неожиданности, который произвело на коалиционную армию появление войска Иошуа Бин-Нуна. Разбив осаждавших и обратив их в бегство, освободив тем самым Гивеон от опасности, еврейская армия двинулась дальше. Пять южноханаанских царей, бросив остатки своего войска на произвол судьбы, укрылись в горной пещере. Здесь их настиг Иошуа Бин-Нун. Все пятеро были схвачены и казнены, а земли их отошли евреям.

Теперь никакой возможности для перерыва в боевых действиях быть уже не могло. Царь Хацора Явин, когда до него дошла весть о поражении южной коалиции, вступил в союз с северными правителями – царями городов Шимрона и Ахшафа, вождями кенаанеев, эморитов, иевусеев и других малых народов. Пожалуй, впервые в истории той кровавой кампании евреям противостояла сила, реально способная сравниться с их ополчением. Танах употребляет выражение: «Выступили они и все их ополчение с ними, народ многочисленный, как песок в море; и коней и колесниц множество». Иными словами, на этот раз против Иошуа Бин-Нуна выступили не только армии профессиональных наемников, но и ополчение. И вновь пешему еврейскому войску противостояли танки древности – колесницы, а кроме того, возможно, и конное войско.

К сожалению, в отличие от описаний других сражений, источники умалчивают о деталях этой, по сути, решающей битвы в истории еврейского завоевания Ханаана. Знаем мы лишь некоторые факты. Например, то, что ханаанейское войско выступило заранее и расположилось станом у озера Мером, в относительной близости от места дислокации основных сил евреев. И еще то, что атака воинов Иошуа Бин-Нуна последовала внезапно и застала противников врасплох. Если судить по тому, что сражение происходило в местности достаточно гористой, можно предположить, что основную силу — колесницы и конницу — ханаанеи не смогли использовать достаточно эффективно. Мало того: большая часть колесниц и коней была захвачена евреями. Так что не исключено, что внезапность атаки (возможно, из засады — или подразделенными, зашедшими с тыла) привела к захвату евреями «транспортного парка» ханаанеев заранее, до начала основного сражения. Представьте себе, что незадолго до какого-нибудь сражения Второй мировой войны десант одной из противоборствующих сторон ночью уничтожает почти все танки противника, — и станет ясен эффект подобной операции. Что же до рукопашного боя между евреями и ханаанеями, то тут все решал еще и численный перевес еврейского войска — на этот раз и Иошуа не ограничился введением в бой части своей армии; из Танаха можно сделать вывод, что участвовало все еврейское ополчение.

По приказу Иошуа захваченные у врага колесницы были сожжены, а кони искалечены: у евреев не было соответствующих родов войск. Колесницы появились лишь в эпоху возникновения царства. Возможно, помимо прочего, еще и потому, что использование колесниц предполагает наличие большого числа подготовленных лучников. У евреев же главным метательным оружием была классическая пастушья праща.

После разгрома объединенной ханаанейской армии Иошуа еще довольно долго вел войны с отдельными правителями. Но они уже не были решающими для дальнейшей судьбы Ханаана. Земля, обещанная евреям, была завоевана и разделена между коленами Израиля.

Танах перечисляет имена всех царей, разгромленных евреями, и их владения, доставшиеся Израилю в удел в результате этих побед. Мы не будем называть здесь их все, скажем лишь, что Иошуа Бин-Нуна удалось победить тридцать одну армию и захватить земли тридцати одного царства. Особо отмечается, что ни один из царей не пожелал заключить с еврейским вождем союз — единственным так и остался царь Гивеона.

Современному человеку может показаться странным такое невероятное количество независимых государств на крохотной полоске земли. Но, во-первых, эти государства по преимуществу включали в себя один укрепленный город, иногда — с прилегающими к нему двумя-тремя деревнями. А во-вторых, независимость этих царств была весьма относительной: большинство из них платили дань супердержавам того времени, например Египту.

И еще одно. Со времен Просвещения — периода развития атеизма и библейской критики — было модно указывать на жестокость, которой сопровождалось завоевание Ханаана. Поэтому необходимо сказать несколько слов и по этому поводу.

Говоря о событиях трехтысячелетней давности, не следует забывать как раз об этом — о трех тысячах лет, которые отделяют нас от того времени. Гомеровские греки вели себя в Трое точно так же, как евреи Иошуа Бин-Нуна в Ханаане. Возможно, даже более жестоко. Римляне спустя почти тысячелетие действовали в Карфагене с еще большим варварством. Тем не менее жестокость Агамемнона или Сципиона Африканского не вызывает особых претензий у наших современников. И это справедливо — такой была та эпоха, эпоха исчезновения с карты одних государств и появления других.

Вот те военно-тактические новшества, которые применили евреи под предводительством своего вождя в ходе завоевания Ханаана:

- 1) предварительная разведка с четко формулируемыми заданиями и составление детального плана военной кампании на основании разведанных (поход на Иерихо);

2) минирование крепостных стен при осаде и отвлекающие маневры (взятие Иерихо);

3) разделение армии на несколько независимо действующих крупных соединений (эту тактику европейские армии начали использовать лишь в конце XVIII столетия – до того подобное разделение считалось опасным и рискованным): битва при Гае тремя отдельными корпусами, в том числе одним засадным;

4) диверсионные операции, предваряющие решающее сражение (например, истребление «транспортного парка» перед сражением у озера Мером).

Думаю, уже этим перечнем можно определить Иошуа Бин-Нуна как реформатора и новатора в военно-тактическом искусстве древности.

И вот тут, возвращаясь к началу нашего очерка, следует сказать: никакой демифологизацией нельзя объяснить немногочисленные, сугубо профессиональные детали описания похода Иошуа Бин-Нуна, существующего в Танахе. Именно скрупулезность описания военных приемов лучше всего свидетельствует об историчности этого полководца.

СРАЖЕНИЯ СУДЕЙ ИЗРАИЛЯ

Деятельность Иошуа Бин-Нуна была завершена разделением между еврейскими племенами земель Ханаана – в соответствии со жребием и численностью того или иного колена. Пока шла война против ханаанских государств, евреи были объединены общей целью – завоеванием Земли Обетованной. Войско еврейское представляло собой единую армию – монолитную, сплоченную, возглавлявшуюся единым вождем. Но вот цель была достигнута – Ханаан покорен. Общепризнанный вождь умер, не оставив преемника. Слово исчез на какое-то время важный связующий элемент. Народ Израиля распался на отдельные племена, и каждое из этих племен жило собственной жизнью, превратилось как бы

в мини-государство — со своими вождями, своим ополчением, своими владениями и границами. Тут следует отметить обстоятельство, которое осложняло существование еврейских племен в Ханаане. Не вся страна была завоевана, многие ханаанские племена остались в своих городах, среди еврейских владений. Кроме того, на границах завоеванных земель сохранились государства амореев, моавитян, аммонитян и других народов, с которыми во времена Иошуа Бин-Нуна приходилось сталкиваться израильтянам. Разъединенное существование еврейских племен было им на руку. Вся эпоха, последовавшая за смертью Иошуа, характеризуется бесконечными «малыми» войнами, которые приходилось вести отдельным коленам Израиля против набегов воинственных соседей. Такие войны всякий раз выдвигали из еврейской среды вождя, возглавлявшего борьбу с врагом. Именно таких вождей называли судьями (шофетим), а эпоху эту — эпохой судей Израиля. Иногда судья объединял под своей властью несколько колен. Правда, за все время не было случая, чтобы кто-нибудь из судей хотя бы на короткое время стал вождем всего народа. С его смертью союз, возглавляемый им, обычно распадался. Такой период длился около двух столетий, и на протяжении его не было в народе Израиля ни государственного, ни даже религиозного единства. На смену Моисееву монотеизму пришли языческие культы местного происхождения — евреи начали смешиваться с местным ханаанейским населением, перенимали их обычаи и обряды. На вершинах холмов появились созданные израильтянами языческие храмы и алтари, на которых приносились жертвы ханаанейским божествам — Баалам и Астартам различных мест. Скиния в Шило посещалась редко.

Вместе с тем неверно было бы утверждать, что в это время монотеизм исчез, — скорее, следует говорить о том, что он оказался как бы скрытым под наносными языческими обычаями. Тем не менее существовала реальная угроза исчезновения еврейского народа, растворения его в среде родственных по языку и происхождению народов. Фактически ассимиляция уже началась. История знает немало случаев,

Ханаанские лучники (барельеф из Каркемиша)

когда завоеватели перенимали культуры завоеванных и в конце концов исчезали как самостоятельный народ. Можно вспомнить судьбу аккадцев, ассимилированных завоеванным ими Шумером. Правда, случаи внешней угрозы немедленно возвращали евреев к собственным обычаям и законам, а также напоминали им, что они — единый народ.

Последней крупной войной, которую вел Иошуа Бин-Нун, была война против коалиции североханаанских царей (или князей). Во главе коалиции стоял царь города Хацор по имени Явин. Война кончилась разгромом объединенного ханаанейского войска, однако евреям не удалось захватить владения самого Явина, в том числе и город Хацор. С самого начала поселения здесь четырех колен Израиля хацориты совершали набеги на них. Когда же во главе ханаанеев встал царь Явин (сын или внук разбитого евреями главы коалиции), им удалось покорить племена Нафтали и Звулуна. Часть евреев бежала в соседние земли — в удел колена Эфраима.

При чтении документов складывается впечатление, что перед израильтянами всерьез встала перспектива утраты северных земель. Во всяком случае, царь Явин весьма успешно объединил под своим началом мелкие туземные племена, а его военачальник и наместник Сисра (резиденцией Сисры был город Харошет-Агоим) держал израильтян в страхе, имея в своем распоряжении прекрасно вооруженное и многочисленное войско. В распоряжении Сисры были девятьсот тяжелых колесниц, обитых железом. Само же войско насчитывало, по-видимому, несколько тысяч человек – не менее шести. Владычество Хацора над коленами Нафтали и Звулуна продолжалось двадцать лет. В данном случае имело место не только превращение евреев в данников ханаанейского царя, но и систематическое изгнание с земель. Под угрозой вторжения оказались и владения колена Эфраима.

Борьбу против ханаанеев возглавила пророчица Двора, бывшая тогда судьей Израиля и сама происходившая из эфраимитов. Военачальником она назначила Барака – из покоренного ханаанеями племени Нафтали. Десятитысячное

войско Барака составили бежавшие от захватчиков евреи из колен Звулуна и Нафтали, к которым присоединились воины Эфраима и некоторых других племен.

Отряд Барака встал вооруженным лагерем на горе Табор. Узнав об их появлении, Сисра во главе своей армии двинулся навстречу противнику. Основные силы евреев, как уже было сказано, группировались на горе Табор. Но еще один отряд был расположен отдельно – в горных районах Эфраима, с тем чтобы хана-

Ханаанская богиня

аней не имели возможности изменить маршрут своего движения и попали в ловушку, придуманную для них Дворой и Баракком.

Основной ударной силой ханаанеев были девятьсот тяжелых колесниц. Такое подразделение вполне могло компенсировать численный перевес евреев и принести победу Сисре. Ловушка же, придуманная Дворой, и должна была парализовать действия ханаанейских колесниц.

Узнав о приближении вражеской армии, Барак повел войско ей навстречу. Наличие же в виду противников еще одного отряда принудило Сисру развернуть боевые порядки на марше — в том месте, где его застигла атака израильтян. Именно это и оказалось ловушкой: ханаанеям пришлось принять бой в долине реки Кишон — в болотистых берегах которой завязли тяжелые колесницы. Из грозного и стремительного оружия они превратились в беспомощные громоздкие сооружения, мешавшие маневрам собственной армии. Колесничие бежали. Вместе с ними бежал и Сисра, возглавлявший отряд колесниц.

Без предводителя ханаанейское войско превратилось в толпу, запертую с одной стороны основной дружиной Баракка, с другой — вспомогательным отрядом Хэвэра, причем путь к отступлению ханаанейцам перекрыли собственные колесницы. Сражение закончилось вскоре полным истреблением армии царя Явина.

После разгрома армии царя Явина II евреи жили в относительном спокойствии еще сорок лет. После сорока лет надвинулась новая беда: нашествие мидианитян в союзе с амалекитянами и другими кочевниками.

И вновь, как в прежние времена, пришел час испытаний — и появился тот, кто должен был спасти народ. Этого человека звали Гидеоном. Был он сыном Иоаша из рода Авизера, из колена Менаше. Этот род считался беднейшим в колене, а семейство Иоаша — беднейшим в роду. Сам же Гидеон был младшим сыном Иоаша. В то критическое время он занимался тем, что тайком перемалывал чудом сохранившиеся от

грабителей остатки урожая в укрытом от посторонних глаз крохотном селении Офра.

Когда кочевники в очередной раз перешли Иордан и расположились лагерем в Изреельской долине, Гидеон направил послов ко всему колену Менаше, а также к соседним еврейским племенам Ашера, Нафтали и Звулуна. Собралось достаточно многочисленное ополчение. Но после многих лет мира, а затем поражений в этом многочисленном войске было не так много действительно опытных воинов, способных противостоять врагу. Кроме того, по вооружению еврейское ополчение существенно уступало мидианитянско-амалекитянскому войску, значительную часть которого составляли всадники на верблюдах и ослах (предположительно, конницы у мидианитян не было).

Гидеон пошел по пути, на первый взгляд, парадоксальному. Он не только не стал стремиться к максимальному увеличению численности своего войска, но напротив – решил атаковать противника маленьким отрядом в триста человек, причем неожиданно, пока кочевники находятся в своем лагере. Что же, качество в данном случае компенсировало количественный недостаток. Плюс, безусловно, талант самого предводителя. Да и вероятность захватить противника врасплох малым мобильным отрядом существенно возрастала. В случае выступления большого ополчения возможен был противоположный вариант – всадники на верблюдах и ослах могли внезапно атаковать неповоротливое и громоздкое пешее войско евреев.

Танах подробно описывает, как были отобраны бойцы для атакующего отряда. Для начала Гидеон предложил уйти всем, кто не чувствует в себе достаточно сил для того, чтобы идти в бой с превосходящими силами противника. В результате две трети наспех собравшегося ополчения разошлось по домам. Оставшихся Гидеон, говоря современным языком, протестировал. Во время учений он вывел отряд к реке и предложил утолить жажду. Большая часть воинов немедля, приблизившись к воде, отложили оружие в сторону и принялись пить, прильнув губами к поверхности воды. Другие же воины пили, не выпуская оружия из одной руки и зачерпывая воду другой.

Их-то командир и оставил в отряде. Ему было понятно, что остальных враг легко застигнет врасплох.

Так в отряде Гидеона осталось всего-навсего 300 человек. Много или мало? Последующие события показали, что в руках опытного и талантливое военачальника этого вполне достаточно.

Гидеон разделил своих людей на три группы. Ночью маленькое войско скрытно приблизилось с трех сторон к стану мидианитян. Воины начали трубить в шофары¹, размахивать специально принесенными светильниками и выкрикивать воинственный клич: «За Господа и за Гидеона!»

Нападение происходило вскоре после того, как мидианитяне, выставив стражников, разошлись по своим шатрам.

Можно себе представить, какой переполох поднялся среди кочевников от всего этого шума, мерцания огней, создающих иллюзию большого войска (а ведь они знали, что ранее евреи действительно собрали ополчение, достаточно крупное по численности).

Единственное, что могло прийти в голову предводителям кочевников, — враги каким-то образом перехитрили их и сумели незаметно окружить стан. В панике, охватившей мидианитян, значительное их количество погибло не столько от мечей евреев, сколько от собственных. Прибавьте к этому смятение многочисленных животных — всех этих ослов и верблюдов, напуганных странными звуками и горящими огнями. Они ринулись на собственных хозяев, давя их копытами, снося шатры и ограды.

Так была одержана первая победа над мидианитянами. Но нужно было действовать без промедления. Гидеон немедленно отправил своих гонцов к Эфраиму сказать: «Перехватите все переправы через Иордан». Эфраимляне так и сделали. В результате часть мидианитян оказалась в ловушке: отряды мидианских князей Орева и Зеева. Головы этих князей, павших в сражении, были отправлены Гидеону за Иордан.

¹ Традиционный еврейский духовой инструмент из распрямленного бараньего рога.

Однако сразу же после этих военных удач в стане евреев произошел конфликт между военачальником и предводителями колена Эфраима. Эфраимиты, самое многочисленное и сильное из северных еврейских племен, сочли себя оскорбленными тем, что не им досталась главная роль в разгроме мидианитян. Конфликт грозил перерасти в столкновение между воинами Гидеона и ополчением Эфраима. К счастью, новый судья показал себя дипломатом. Он публично признал ключевую роль евреев колена Эфраима, разбивших отряды Орева и Зеева и убивших предводителей вражеского войска.

Остатки мидианитян, сумевшие прорваться сквозь заставы эфраимитов, переправились через Иордан и отступили по караванному пути, мимо городов Сукот и Пенуэл, уже в собственном мидианских владениях. Отряд Гидеона и двигавшиеся следом эфраимиты преследовали противника по пятам.

Между тем часть мидианского войска, которой командовали князья Зэвах и Цалмуна, остановилась близ Каркура и разбила там стан. Их осталось 15 тысяч человек – примерно десятая часть того войска, с которым они пошли в набег на североизраильские племена. Трудно сказать, почему они вновь проявили беспечность. Реконструируя события того времени, можно прийти к выводу, что они никак не ожидали немедленного преследования со стороны евреев уже на своей собственной территории. К тому же для них, видимо, все еще оставалась тайной истинная численность преследовавшего их отряда.

И вновь малочисленность евреев сыграла положительную роль. Гидеон вновь, прямо с марша, атаковал расположенный к отдыху мидианский стан. После жестокого боя (в котором участвовал уже не только «спецназ» Гидеона, но и основное еврейское ополчение) мидианитяне были наголову разбиты.

В течение очень долгого времени Гидеон оставался самым популярным из еврейских военачальников. Интересно, что его тактические приемы по сей день считаются не утратившими своей ценности. Так, например, спустя две с лишним тысячи лет, во время восточного похода генерала Наполеона Бона-

Сирийские войны

парта, завершающий этап сражения у горы Табор был словно скопирован с ключевого сражения Гидеона. Турецкая армия окружила отряд французского генерала Клебера. Французов было около 2500 солдат, турки имели десятикратное превосходство. Тем не менее французы, построившись в каре, с утра и до вечера 16 апреля успешно отражали атаки.

К вечеру подтянулись войска Наполеона, проделавшие за сутки путь в 25 миль от крепости Акра (ныне Акко).

Вот тут произошло событие, заставляющее вспомнить Книгу Судей. Французский отряд численностью в триста человек (!) скрытно приблизился к турецкому лагерю, напал на

него врасплох, поджег палатки, вызвал панику среди турецких солдат шумовыми эффектами. Клебер, перестроив своих людей в колонну, пошел в этот момент на прорыв. Многотысячная турецкая армия бежала. Французы, по разным источникам, потеряли от 2 до 200 человек убитыми, турки – 3 тысячи убитыми и около 500 пленными.

По мнению Чарльза Уингейта, британского офицера и военного теоретика, Гидеон и его отряд могут считаться образцом для малых мобильных групп специального назначения. Вспомним, что бойцы его набирались с учетом психологических особенностей, а принятая тактика – внезапные атаки с ходу, молниеносные марш-броски, использование дезориентации противника – в основных своих положениях сохраняет свою актуальность. Не зря многие операции современных командос совсем разных армий носили одно и то же кодовое название: «Меч Гидеона». В частности, именно так называлась израильская операция по уничтожению террористов организации «Черный сентябрь», причастных к гибели израильских спортсменов во время Олимпиады в Мюнхене в 1972 году.

Что происходило в Заиорданье? Судьба осевших здесь еврейских племен была не лучше прочих, а учитывая относительную удаленность этой территории от других областей Ханаана, населенных израильтянами, по временам еще тяжелее. Здесь евреям угрожало царство Аммона.

Прародителем аммонитян считался Бен-Амми, сын патриарха Лота от кровосмесительной связи с младшей дочерью после разрушения Содома и Гоморры (Моав – сын старшей дочери Лота). Прародиной аммонитян и моавитян, очевидно, была Сирийско-Аравийская пустыня. Вытесненные оттуда более сильными соседями, аммонитяне-скотоводы откочевали в Заиорданье, где заняли обширную территорию к северу от Мертвого моря и постепенно перешли от кочевого и полукочевого образа жизни скотоводов к оседлому – земледельцев. Судя по совпадению времени аналогичных процессов у моавитян и аммонитян, можно с уверенностью предположить, что оба народа ушли из родных мест не только по одним и тем

же причинам и не только из-за одних и тех же соседей. Скорее всего, до поры до времени Аммон и Моав составляли военно-племенной союз. Союз этот распался, очевидно, при переходе к оседлому образу жизни и, как следствие, установлении относительно постоянных границ. Евреи видели Аммон и Моав скорее двумя крупными кланами, входившими в единый народ, нежели как два отдельных народа.

Государство у аммонитян сложилось несколько раньше, чем у моавитян, к северу от Мертвого моря. К моменту появления здесь Израиля оно было достаточно крупным и сильным в военно-политическом отношении централизованным образованием с наследственной властью. Столицей являлся город Рабат-Аммон (на территории нынешней Иордании). Этот же город был культовым центром — здесь находился храм племенного божества Милькома. О прочих религиозных культах Аммона судить трудно, сведения отрывочны. Можно предположить, что аммонитяне поклонялись также обще-семитскому богу плодородия Баалу и Аштарам (богиням — владычицам высот). По тому, что мы знаем о ближневосточных культах плодородия и их оргиастическому характеру, в которых не последнюю роль играло храмовое распутство и кровавые жертвоприношения, можно предположить, что презрительное и даже враждебное отношение израильтян к этим родственникам связано было и с неприятием аммонитских религиозных культов. Уровень культуры в царстве был примерно таким же, как у моавитян и других соседних народов среднебронзовой эпохи. В основном процветали земледелие и различные ремесла. Аммонский царь обладал, насколько можно судить, одной из самых сильных и хорошо вооруженных армий в регионе. Язык (так же, как и язык моавитян) был чрезвычайно близок к ивриту того времени (для сравнения можно было бы сказать, что, например, иврит и аммонитский языки были ближе, чем современный русский и современный украинский), в качестве алфавита они использовали еврейско-финикийский алфавит.

Отношения между евреями и аммонитянами сразу же стали напряженными. Причиной обострения стали претен-

зии аммонитян на земли царства Сихона с городом Хешбон. Это царство было завоевано евреями на пути в Ханаан. Колено Реувена, с согласия Моисея, поселилось именно здесь. Аммонские же цари считали эту территорию своей и не прочь были сами в подходящий момент ее захватить. Тот факт, что явившиеся издалека пришельцы отхватили лакомый кусок у них прямо из-под носа, не мог способствовать налаживанию добрососедских отношений между евреями и аммонитянами. При жизни Иошуа Бин-Нуна цари из Рабат-Аммона не рисковали заявлять свои претензии и уж тем более пытаться отбить силой бывшие владения Сихона. Они прекрасно отдавали себе отчет в том, что столкновение с объединенным Израилем им не под силу. Да и военный авторитет еврейского вождя после завоевания Ханаана был слишком велик.

Ситуация изменилась после смерти Иошуа. Область Гилада граничила с царством аммонитян, жившие здесь евреи до известной степени утратили связи с единоплеменниками. Аммонитяне не замедлили этим воспользоваться. Их натиск на жителей Гилада усиливался с каждым разом, отдельные разбойничьи набеги постепенно сменились фактическим покорением области, наложением тяжелой дани. Материальное владычество сопровождалось и насилием в сфере религиозной – аммонитяне старались искоренить еврейскую религию и активно насаждали культ своего племенного божества – Милькома, покровителя Рабат-Аммона и аммонитских царей.

Вслед за коленом Реувена настал черед и других – аммонитяне подготовились к вторжению в пределы Эфраима и Иегуды. Центром, из которого завоеватели планировали новые набеги на Израиль, стал захваченный Гилад. Евреи же, поднявшиеся на борьбу с ними, расположились в Мицпе.

Походы аммонитян следует определять не как набеги кочевников-мидианитян или амалекитян. Это были завоевательные рейды, имевшие целью не столько грабеж, сколько отторжение части территорий и подчинение народа, их населяющего. Упоминание же о нескольких таких военных экспедициях Аммона связано, очевидно, с тем, что с началом этой долгой войны в уделах Израиля, подвергшихся нападе-

Колесница (барельеф из Каркемиша)

нию, и особенно в области Гилада, не прекращалась борьба евреев с захватчиками. Борьба эта имела, очевидно, характер партизанской войны. К моменту, о котором мы ведем речь, этот характер изменился — евреи, вставшие лагерем в Мицпе, готовились к решающему и открытому сопротивлению аммонитянам. Численность их войска в Танахе не указывается, но можно предположить, что на первых порах это было ополчение, состоявшее исключительно из жителей Гилада.

Тут выяснилось, что некому возглавить эту борьбу. Тогда, как сказано в Танахе, «князья Гиладские сказали: тот муж, который начнет воевать с аммонитянами, будет главою всем жителям Гилада».

Тут уместно чуть подробнее рассказать об упомянутой выше партизанской войне. Характерной чертой того времени, свидетельствующей о деградации общественных отношений и фактическом беззвастье, является появление многочисленных разбойничьих шаяк, скрывавшихся от преследований в горных районах. Впрочем, справедливости ради отметим, что особенно скрываться им было не от кого. Состояли эти отряды из изгоев, принужденных бежать из родных мест по тем или иным причинам. До сбора ополчения в Мицпе именно

такие отряды – то ли национально-освободительные дружины, то ли разбойничьи шайки – вели на свой страх и риск войну с захватчиками. Респектабельные граждане считали их людьми, стоящими вне закона, что в значительной степени соответствовало действительности.

Одним из таких изгоев, предводителем ватаги людей, стоящих вне закона, был человек, ставший впоследствии по праву национальным героем и судьей Израиля, – Ифтах (в синодальном переводе – Иеффай).

Ифтах был уроженцем Гилада, человеком низкого происхождения – сыном блудницы. После смерти отца братья изгнали его из дома, лишив доли в отцовском наследстве. Ифтах пристал к одной из упоминавшихся выше разбойничьих шаек, состоявших, по выражению Танаха, «из людей праздных». Благодаря личной храбрости и организаторским способностям он вскоре стал предводителем большого отряда, державшего в страхе как окрестных жителей, так и аммонитян. Когда гнет завоевателей стал невыносим, наиболее уважаемые жители Гилада обратились к нему с просьбой возглавить борьбу против аммонитян. Несмотря на обиду, которую Ифтаху причинили братья, изгнавшие его, и старейшины Гилада, санкционировавшие беззаконие, он принял это предложение и встал во главе еврейского войска.

Видимо, в это время произошло официальное «вхождение в должность» Ифтаха, поскольку военные действия против аммонитян он начал уже как человек, обладавший законными правами в военной и политической области: прежде чем выступить из Мицпы, он направил к царю Аммона своих послов. Через послов было предложено изложить претензии и требования Аммона к Израилю.

Претензии, если перевести на сегодняшний язык, заключались в следующем: вы зачем захватили то, что хотел захватить я? А требования – верните территорию, принадлежавшую Сихону, верните захваченные вами города Моава, тогда мы прекратим набеги.

Только после этого Ифтах официально объявил аммонитянам войну, но предварительно достаточно подробно и ар-

гументированно отверг всякие претензии воинственных соседей.

Ядром его ополчения стал отряд, с которым Ифтах вел свою партизанскую войну против аммонитян, не гнушаясь при этом и набегом на еврейские поля с целью получения пропитания. Эти бывшие разбойники составили самое боеспособное подразделение еврейской армии.

Первоначально он освободил от захватчиков земли Гилада и Менаше, а затем вторгся на территорию собственно аммонийского царства. Здесь, у города Арозёр, произошло решающее сражение, в котором аммонитяне потерпели поражение и вынуждены были отступить из двадцати собственных городов. В результате национально-освободительной борьбы Ифтах не только избавил свой народ от захватчиков, но и несколько расширил его владения — за счет части земель, ранее принадлежавших аммонитянам.

К этому времени относится трагический эпизод, описываемый в Танахе. Перед решающим сражением Ифтах поклялся в случае победы принести в жертву Богу того, кто первым встретит его после возвращения домой. Первым встретила его собственная дочь. Ифтах вынужден был исполнить обещанное.

Следует сказать, что более поздние комментаторы утверждают: дочь Ифтаха не была принесена в жертву, но предалась служению Богу (видимо, что-то вроде монашества). Что, в общем-то, соответствует уже известному из истории факту: в тот период у евреев человеческие жертвоприношения не существовали ни в какой форме.

Эта драматическая история впоследствии вошла в фольклор многих европейских народов. Она же в XX веке стала основой двух выдающихся литературных произведений — последнего романа Лиона Фейхтвангера «Ифтах и его дочь» и повести крупнейшего современного израильского писателя Амоса Оза «Ифтах». Оба произведения переведены на русский язык.

К сожалению, испытания Ифтаха не закончились на этом. Эфраимиты, долго раздумывавшие над тем, вступить ли им в

борьбу против аммонитян или нет, оскорбились тем, что победа была достигнута без их участия. Да еще и малочисленным отрядом жителей Гилада, о которых эфраимиты заявили: «Ничтожества вы в среде Эфраима и в среде Менаше!» Их возмущение было так велико, что они объявили Ифтаху войну, пообещав сжечь его дом, а заодно и город Гилад. В результате национально-освободительная война мгновенно превратилась в междоусобицу.

Гиладское ополчение наголову разбило разъяренных соплеменников. Эфраимиты с позором бежали от гиладских стен.

Увы, ожесточение в гражданских и междоусобных войнах слишком велико. Воины Ифтахы перехватили переправы через Иордан и безжалостно убивали всех эфраимитов, пытавшихся спастись после сражения. Чтобы определить, кто из переправляющихся принадлежит к враждебному колену, безошибочно использовали особенности произношения. Заставляли каждого произнести слово «шибболет» (колос). Эфраимиты, отличавшиеся шепелявостью, произносили «сибболет» и немедленно умерщвлялись. Всего в этой братоубийственной резне погибло 40 тысяч человек.

ЕВРЕЙСКОЕ ИМЯ САША

Задумывались ли вы когда-нибудь над вопросом, как и почему на протяжении многих веков у евреев среди традиционно еврейских имен существует имя Александр? Причем появилось оно намного раньше, нежели Иудея начала ощущать влияние эллинизма. История появления этого имени столь же интересна, сколь и поучительна, поскольку свидетельствует о феномене исторической памяти и об относительности славы.

Когда великий завоеватель Александр Македонский покорил Египет, египетские жрецы объявили его сыном божества, сыном Амона (греки и македонцы отождествляли его с Зевсом) – верховного бога египетского пантеона. В его честь были построены храмы, ему воздавали божественные почести. С этого момента, по свидетельству современников, в каж-

Александр Македонский (*Помпеи*)

дом покоренном городе македонский завоеватель требовал возведения храма в свою честь — в честь сына Зевса-Амона божественного Александра — и соответствующего поклонения. Сейчас трудно сказать, действительно ли сам великий Александр верил в свое особое происхождение или же он решил таким образом укрепить и освятить свою власть — власть над гигантской разноплеменной державой. Возможно, сказывались также его давняя неприязнь к отцу — царю Филиппу и быстро растущее недоверие к прежним соратникам, сопровождавшим царя с юности и потому относившимся к нему хотя и с уважением, однако без должного, как полагал царь, почтения. Милостиво позволив жрецам чужого народа провозгласить себя сыном Амона (возможно, он сам же тайно и приказал им сделать это), Александр как бы поднялся на недостижимую для смертного высоту — и над своим прежним окружением, и над своим противником Дарием.

Этот новый культ легко распространился по Азии по мере все новых и новых завоеваний — среди народов, населявших

покорявшиеся страны, издавна существовал такой элемент религиозных представлений, как обожествление царей и вождей.

Придя в Палестину, царь ожидал того же и от евреев. Тем более что население всех иудейских городов (за исключением Газы) без сопротивления признало суверенитет македонского завоевания. Но... Тут Александра Великого ждало жестокое разочарование.

Когда македонское войско подходило к Иерусалиму, на встречу ему вышла представительная делегация во главе с самим первосвященником Храма. Евреи пришли в ужас от кощунственного требования завоевателя. Им, столько веков ведшим непримиримую борьбу с кумирами Баалов, предлагалось признать божеством простого смертного – пусть и великого завоевателя, но только человека!

И они отказались воздавать царю божественные почести. Этот отказ мог иметь трагическую развязку... Перечить покорителю мира! Александр был разгневан. Казалось, еще мгновение – и он прикажет стереть с лица земли и город, и народ, осмелившийся его ослушаться.

Положение спас первосвященник. Объяснив царю невозможность и кощунственность его требования с точки зрения норм еврейской религии, он предложил иной способ выразить уважение великому завоевателю.

– Все мальчики, – сказал он, – родившиеся у евреев в этом году, будут названы в честь царя Александрами. Этого имени не было у евреев раньше. С этого времени оно появится у евреев – в память о величайшем царе.

Это предложение привело грозного царя в восторг – таким необычным способом его еще не чтит ни один народ. Он милостиво согласился не настаивать на своем первом требовании. В дальнейшем Александр Македонский неизменно выказывал свое благоволение евреям и даже позволил им селиться в недавно выстроенной египетской Александрии.

Прошли тысячелетия. Ни один храм, возведенный в честь грозного царя, не сохранился до наших дней. Держава его рухнула сразу после смерти Александра. Даже о месте его погребения до сих пор спорят ученые.